

Барыня — эпизод 1 из 8

К избе Максима Журкина, шурша и шелестя по высохшей, пыльной траве, подкатила коляска, запряженная парой хорошеньких вятских лошадок. В коляске сидели барыня Елена Егоровна Стрелкова и ее управляющий Феликс Адамович Ржевецкий. Управляющий ловко выскочил из коляски, подошел к избе и указательным пальцем постучал по стеклу. В избе замелькал огонек. Кто там? спросил старушечий голос, и в окне показалась голова Максимовой жены.

Выйди, бабушка, на улицу! крикнула барыня.

Через минуту из избы вышли Максим и его жена. Они остановились у ворот и молча поклонились барыне, а потом управляющему.

Скажи на милость, обратилась Елена Егоровна к старику, что всё это значит? Что такое-с?

Как что? Разве не знаешь? Степан дома?

Никак нет. На мельницу уехал.

Что он строит из себя? Я решительно не понимаю этого человека! Зачем он ушел от меня?

Не знаем, барыня. Нешто мы знаем?

Ужасно некрасиво с его стороны! Он оставил меня без кучера! По его милости Феликсу Адамовичу приходится самому запрягать лошадей и править. Ужасно глупо! Вы поймите, что это, наконец, глупо! Жалованья ему показалось мало, что ли?

А Христос его знает! отвечал старик, косясь на управляющего, который засматривал в окна. Нам не говорит, а в голову к нему не залезешь. Ушел, говорит, да и шабаш! Своя воля! Должно полагать, жалованья мало показалось!

А это кто под образами на лавке лежит? спросил Феликс Адамович, глядя в окно.

Семен, батюшка! А Степана нету.

Дерзко с его стороны! продолжала барыня, закуривая папиросу. Мсье Ржевецкий, сколько получал он у нас жалованья?

Десять рублей в месяц.

Если ему показалось мало десяти, то я могла бы дать пятнадцать! Не сказал ни слова и ушел! Честно это? Добросовестно?

Говорил ведь я, что никогда не следует церемониться с этим народом! заговорил Ржевецкий, отчеканивая каждый слог и стараясь не делать ударения на предпоследнем слоге. Вы разбаловали этих дармоедов! Никогда

не следует zarazом отдавать всего жалованья! К чему это? Да и зачем вы хотите прибавить жалованья? И так придет! Он договорился, нанялся! Скажи ему, обратился поляк к Максиму, что он свинья и больше ничего.

Finissez donc!1

Слышишь, мужик? Нанялся так и служи, а не уходи, когда тебе вздумается, чёрт! Пусть только не придет завтра! Я покажу ему не слушаться! И вам достанется! Слышишь, старуха?

Finissez, Ржевецкий!

Всем достанется! Не являйся тогда ко мне в контору, старый собака! С вами церемониться?! Вы разве люди? Разве вы понимаете хорошие слова? Вы только тогда понимаете, ежели вас по шеям бьют и делают вам неприятности! Чтоб ходил завтра!

Я скажу ему. Отчего не сказать? Сказать можно...

Скажи ему, что прибавляю ему жалованья, сказала Елена Егоровна. Не могу же я быть без кучера. Когда найду другого, пусть тогда и уходит, если ему угодно. Завтра утром чтобы опять был у меня! Скажите ему, что я глубоко оскорблена его невежливым поступком! И вы, бабушка, скажите! Надеюсь, что он будет у меня и не заставит посылать за собой. Подойди сюда, бабушка! На тебе, милая! Что, небось, трудно управляться с такими большими детьми? Бери, милая!

Барыня вынула из кармана хорошенький портсигар, потянула из-под папирос желтую бумажку и подала ее старухе.

Если же не придет, прибавила барыня, то нам придется поссориться, что было бы крайне нежелательно. Но я надеюсь... Вы ему посоветуете. Едемте, Феликс Адамыч! Прощайте!

Ржевецкий вскочил в коляску, взял в руки вожжи, и коляска покатила по мягкой дороге.

Сколько дала? спросил старик.

Рупь.

Дай сюда!

Старик взял рубль, погладил его обеими ладонями, бережно сложил и спрятал в карман.

Степан, уехала! сказал он, входя в избу. Я ей сбрыхал, что ты на мельницу уехал. Перепугалась страсть как!..

Как только отъехала коляска и скрылась из вида, в окне показался Степан. Бледный, как смерть, дрожащий, он выполз наполовину из окна и погрозил своим большим кулаком темневшему вдали саду. Сад был барский. Погрозив раз шесть, он проворчал что-то, потянулся назад в избу и с шумом опустил раму.

Через полчаса после того, как уехала барыня, в избе Журкина ужинали. В

кухне возле самой печи за засаленным столом сидели Журкин и его жена. Против них сидел старший сын Максима Семен, временноотпускной, с красным испитым лицом, длинным рябым носом и масляными глазками.